

KLAUS STEINKE, *Die russischen Sprachinseln in Bulgarien*. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag. 1990. 262 S. ISBN 3-533-04260-X kart; ISBN 3-533-04261-8 Gewebe. (SLAVICA. Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher. Neue Folge.)

Монография проф. Клауса Штайнке (Университет Эрланген, Германия) посвящена сопоставительному описанию говоров двух старообрядческих деревень — *Татарница* (около г. Силистра) и *Казашко* (около Варны) на северо-востоке Болгарии. Это первая монография ныне хорошо известного болгариста, специалиста по балканским языкам и русиста, вышедшая десять лет тому назад; она выдержала проверку временем, нередко цитируется, не утратила актуальности до настоящего времени и вряд ли остро нуждается в запоздалой рецензии. Однако эта работа до сих пор остается относительно мало-доступной даже для многих специалистов по старообрядчеству, тем более, что в самой монографии нет развернутого резюме на русском или английском языке. Надеюсь хотя бы в малой мере способствовать ее популяризации и, воспользовавшись случаем, обсудить некоторые проблемы, связанные с изучением старообрядческих говоров вообще.

Своеобразие структуры и содержания монографии определяется тем, что ее автор, во-первых, подходит к изучению указанных старообрядческих говоров прежде всего как *островных*; во-вторых, их генезис рассматривается в рамках и на фоне данных обо всех островных, находящихся вне пределов России и рассеянных по всему миру старообрядческих говоров, известных ему на то время (кстати, таблица-классификация островных старообрядческих говоров, приводимая в его книге [с. 14] несколько дополняет предшествующую и аналогичную по структуре классификацию в работе [Grek-Pabisowa, Jotov 1983, 70]); третью особенность работы составляет то, что она является *сопоставительным описанием говоров* дд. Татарница и Казашко, а четвертую — что в ней осуществлено детальное *сопоставление* особенностей изученных им говоров с *великорусскими говорами* исконных территорий (обследованных по программе ДАРЯ).

В разделе “Обозрение русских языковых островов” [с. 12–29] анализируются также данные о распространении старообрядческих говорах Литвы [с. 17–19], приводимые В.Н. Немченко [1963], и предпринята довольно удачная попытка на основании известных сведений выявить основные зоны концентрации старообрядческого населения в республике [с. 19–20]. Обобщения К. Штайнке являются значительно более точными по сравнению с результатами аналогичной работы В. Руке-Дравине [1965], и они были уточнены нами только после специальных исследований 1996–2000 гг. (материалы готовятся к публикации).

Самое же важное в том, что К. Штайнке опирается на теорию изучения островных говоров как особой дисциплины. Ее развитию во многом способствовал известный русский германист В. Жирмунский, ожививший употребление термина “островной говор” [с. 31], введенного в науку немецким уче-

ным А. Schott'ом еще в 1842 г. [с. 37]. Принципы классификации островных говоров (по таким основным параметрам, как особенности их происхождения и колонизации, языкового окружения, время образования) разработал А. Kuhn [1930]. С учетом теоретических установок немецких ученых, К. Штайнке подробно анализирует "Состояние изучения языковых островов" [с. 42–54] (в русской терминологии — островных говоров) вообще. Это тем более интересно, что, как справедливо подчеркивает сам автор, в бывшем СССР русские островные говоры (уточним — за исключением старообрядческих говоров Прибалтики) систематически не изучались [с. 15].

Актуальным в монографии К. Штайнке является подробное описание методики и программы собирания диалектного материала [с. 60–89], а также общая характеристика собранного материала [с. 89–99]. Автор тщательно подходил к учету социолингвистических характеристик при отборе информаторов; во время трех экспедиций ему удалось сделать магнитофонные записи общей длительностью по 83 часа в каждой из деревень [с. 97], опросить 34 информатора разного возраста в д. Казашко и 23 — в д. Татарлица [с. 95]. При этом беседы велись на определенные темы, что делало максимально сопоставимыми (насколько это возможно для записей спонтанной речи) материалы из обеих деревень. Это очень солидная база данных, в принципе достаточная для детального описания соответствующих говоров.

В наши цели не входит подробный анализ материалов К. Штайнке; интересно только отметить, что И. Грек-Пабисова, посетившая эти говоры в 1970 г., пришла к выводу, что для говоров обеих деревень характерно *сильное аканье* [1972, 99], в то время как К. Штайнке убедительно показал, что в них распространено *диссимилятивное аканье* [с. 129, 175]; для говора Татарлицы характерно *диссимилятивное яканье* жиздринского типа [с. 129–130], чего не заметила И. Грек-Пабисова, в то время как в говоре д. Казашко преобладает *иканье*. Вообще, фонетика обоих говоров описана К. Штайнке очень последовательно, пожалуй, как ни описан в этом аспекте ни один другой старообрядческий говор, в том числе, в Прибалтике и Польше. Значительно меньше внимания он уделил морфологии, а синтаксису посвятил только замечания общего характера, в которых очень интересными являются его наблюдения о современном состоянии изучения русского диалектного синтаксиса [с. 160–168].

Обработывая собранные материалы, К. Штайнке стремился прежде всего ответить на вопросы *Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка* [1945] (наиболее последовательно этот план реализован в отношении фонетики, а в морфологии и лексике говоров отмечены самые характерные явления, зафиксированные в магнитофонных записях). В принципе, это логично и естественно, поскольку данные, собранные по Программе, дают возможность понять, к какой классификационной группе русских говоров относится или может относиться исследуемый островной говор. Только после этого имеет смысл, во-первых, ставить вопрос о возможной языковой (пра)родине изучаемого говора, и во-вторых, выяснять, насколько архаичным данный говор является, и что нового могут

дать сведения о нем для понимания истории тех или иных явлений или формирования тех или иных изоглосс на территории современных русских говоров. Эти проблемы в той или иной форме поднимались многими исследователями, но при этом, как кажется, не обращалось должного внимания на некоторые трудности, связанные с их решением. Знакомство с работой К. Штайнке дает хороший повод обсудить эти трудности.

Прежде всего, в каждом островном говоре еще с большей вероятностью, чем в говорах метрополии, исследователь может столкнуться с явлениями, не обследованными по Программе ДАРЯ. Например, К. Штайнке обратил внимание на удлинение предупредного [a] в слогах перед последующими ударными гласными неверхнего подъема [с. 127–128], посвятив этому явлению, (вскользь отмеченному ранее И. Грек-Пабисовой в старообрядческих говорах Польши, на которую он при этом ссылается), отдельную статью [1988]. Важность этого явления для понимания природы диссимилятивного аканья-яканья очевидна, о чем нам приходилось не раз писать. Впервые зафиксированное О. Брокром в моссальских говорах, в последнее время оно привлекает к себе все больше внимания, см., например, [Касаткина 1999]. Но эта *диссимилятивная гиперфония* (термин наш) не изучалась в рамках “аванесовской” диалектологии, и не было бы ничего удивительного в том, если бы исследователь островного говора, собирая материалы по Программе ДАРЯ, ее бы просто не заметил. Как не замечали несколько поколений русских диалектологов тех особенностей русской фонетики, которые с таким успехом одно за одним “вытаскивает на свет божий” Л.Л. Касаткин [1999]. Следовательно, выполнение Программы ДАРЯ можно рассматривать только и только как программу-минимум для описания особенностей островных говоров, поскольку возможные пропуски при этом могут оказаться весьма ощутимой потерей для науки, тем более, что многие старообрядческие говоры в настоящее время, как известно, растворяются в окружающих их иноязычных стихиях.

Этот, казалось бы, банальный вывод особенно важно иметь ввиду при изучении синтаксиса островных говоров, поскольку соответствующие вопросы Программы ДАРЯ были ориентированы только на фиксацию самого факта употребления тех или иных форм или конструкций, т.е. в конечном итоге — на установление соответствующих изоглосс отдельных явлений. Использовать же эти данные для описания функционирования этих форм и конструкций можно и следует с большой осторожностью, что в очень острой форме акцентировал В. Трубинский [1986, 5]. Исследователь островного говора, располагая большими по объему магнитофонными записями, имеет полную возможность создавать такие монографические по структуре описания синтаксиса, которые будут “ставить” множество вопросов перед исследователями диалектного синтаксиса основных территорий, стимулируя необходимую полевую работу в этой области.

Сказанное касается и явлений морфологии островных говоров. Например, в материалах, собранных по Программе ДАРЯ, зафиксировано наличие или отсутствие тех или иных морфологических форм, в том числе и дублет-

ных, но они не содержат и не могут содержать сведений об особенностях их функционирования (правил употребления в живой речи). При этом нужно иметь в виду, что закономерности употребления дублетных форм обычно проявляются не в виде строгих правил, а только определенных тенденций, составить представление о которых можно только путем анализа большого количества текстов.

К. Штайнке подробно обсуждает теоретические проблемы и некоторые результаты попыток выяснения языковой (пра)родины островных говоров — вопроса, довольно актуального в русской “островной” диалектологии [с. 28, 31–37]. Он подчеркивает, что в немецкой диалектологии поиски языковой прародины, несмотря на то, что они во многих случаях способствовали научным открытиям, в целом не были полностью успешными (“*blieb ohne jede durchschlagenden Erfolg*” [с. 34]). Вслед за В. Жирмунским и другими исследователями, он подчеркивает, что основная опасность здесь кроется в принятии прямолинейных решений — когда во внимание не принимается динамика языковой ситуации в самих языковых островах [с. 28]. Свою позицию по этому вопросу К. Штайнке, как кажется, прямо не формулирует, однако она четко просматривается в следующем его высказывании: “Несмотря на многочисленные языковые параллели между островными говорами в Болгарии и южнорусскими говорами Брянщины и жиздринского ареала, не следует спешить с локализацией их ‘прародины’” [с. 194]. Анализ исторических данных происхождения этих говоров позволяет предполагать у них несколько “промежуточных прародин” — в Подонье, на Кубани, и наконец, в зоне устья Дуная, откуда пришли предки современного населения дд. Татарица и Казашко [с. 196].

Как показывают опубликованные ранее, а также собранные нами сведения о говорах старообрядцев Литвы, при установлении ареала их возможной языковой (пра)родины на основании языковых данных действительно необходимо учитывать а) динамику и особенности социолингвистической ситуации на новых местах поселения мигрантов; б) этапы их последующего расселения; в) динамику изменения изоглосс в говорах метрополии. Значение каждого из них мы коротко проиллюстрируем на конкретных примерах.

Вне всякого сомнения, основу большинства старообрядческих говоров Литвы, все носители которых являются в прошлом федосеевцами, а впоследствии — поморцами, составляют псковские говоры, характеризующиеся сильным (недиссимилятивным) аканьем и яканьем. В то же время историки свидетельствуют, что в составе переселенцев были выходцы из новгородской — безусловно окающей — земли; очевидно, и сам Феодосий Васильев, основатель федосеевского согласия, будучи уроженцем Крестецкого Яма (ныне пос. Крестцы Крестецкого р-на Новгородской обл., расположен в 85 км на юго-восток от Новгорода в зоне окающих говоров), безусловно, также окал. Кроме того, среди них были и старообрядцы-нефедосеевцы, и беглецы-нестарообрядцы. Эти факты позволяют предполагать, что в истории группы старообрядцев-федосеевцев на наших территориях был период конфессиональной

и языковой консолидации, и их говоры также должны были измениться в некоторых отношениях, перестав быть тождественными говорам какого-либо одного определенного ареала.

Действительно, как видно по картам 45–47 ДАРЯ I, на всей территории Псковской области, а также прилегающих ареалах Тверской и Новгородской областей, еще в начале XX в. было распространено цоканье, реликты которого в той или иной форме на этих территориях известны и поныне. В то же время в старообрядческих говорах Литвы и Латгалии цоканья (или остатков его) не зафиксировано (как не зафиксировано оно и в говорах старообрядцев Польши, поселившихся там в конце XVIII–начале XIX вв.). Предполагать, что цоканье распространилось на указанных территориях метрополии после “отделения” старообрядцев, кажется, нет оснований; значит, цоканье было устранено в них уже на новых местах проживания, и в этом отношении старообрядческие говоры оказываются менее архаичными, чем говоры метрополии.

Далее, в 70-х годах XIX в. начинаются значительные внутренние переселения старообрядцев на новых территориях их проживания (так наз. *внутренняя миграция*), и в Литве возникают населенные пункты со смешанным русско-польским или русско-литовским населением; кроме того, в новых русскоязычных деревнях селили отдельные семьи и целые группы русских из различных губерний, как это мы установили, например, исследуя историю населения некоторых деревень на территории Жемайтии. Это означает, что русские говоры в местах вторичного расселения имеют довольно сложную социолингвистическую историю, без учета которой прямо соотносить их особенности с фактами говоров метрополии следует с большой осторожностью.

Наконец, конфигурация многих изоглосс на территории русских говоров изменилась не только за последние триста лет, но за последние сто лет. Ведь нетрудно, например, обнаружить, сопоставляя данные Диалектологической карты русского языка в Европе [ДКРЯ 1915] с картой 1 ДАРЯ I, что ареал сильного аканья расширился на северо-западе, где акающими в 20–50 гг. стали говоры юга Новгородской области. Так почему бы не допустить, например, что триста лет назад граница сильного и диссимильтивного аканья в южной части Псковской области была не такой, как в настоящее время, и сильное аканье было распространено тогда на всей территории Псковской области, там, где, например, уже в зоне диссимильтивного аканья в настоящее время фиксируются единичные (редкие) случаи сильного аканья? А ведь только одно это допущение позволяет довольно значительно расширить зону поисков языковой (пра)родины старообрядческих говоров Литвы.

Подробному рассмотрению вопросов, связанных с историей формирования старообрядческих говоров Литвы, мы надеемся посвятить отдельную работу; сейчас же нам было важно дополнительно аргументировать необходимость учета всех возможных — лингвистических и нелингвистических — данных при выяснении языковой (пра)родины островных говоров, поддержав тем самым позицию К. Штайнке по данному вопросу.

В заключение хотелось бы выразить уверенность в том, что если бы монография К. Штайнке была переведена на русский язык, то, думаю, многие специалисты были бы очень признательны тем исследователям и организациям, которые бы такой перевод осуществили и издали.

ЛИТЕРАТУРА

- ДАРЯ I = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР). Карты. В трех выпусках*, вып. 1: *Фонетика*. Москва, 1986.
- ДКРЯ 1915 = Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, in Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н., *Очерк русской диалектологии*. Москва. (Труды московской диалектологической комиссии, вып. 5.)
- Касаткин Л.Л., 1999: *Современная русская и диалектная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва.
- Касаткина Р.Ф. (ред.), 1999: *Русские народные говоры*. Звучащая хрестоматия. Южно-русское наречие. Москва.
- Немченко В.Н., 1963: Русские старожилы Литвы и их говоры, *Kalbotyra*, VII. Vilnius, 63–86.
- Трубинский В.И., 1984: *Очерки русского диалектного синтаксиса*. Ленинград.
- Grek-Pabisowa I. 1999 (1972): O tendencjach rozwoju gwary starowierców rosyjskich w Bulgarii, in Grek-Pabisowa I., *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa, 95–107.
- Grek-Pabisowa I., Jotov C., 1983: Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym, in *Ibid.* 69–79.
- Kuhn W., 1930: *Deutsche Sprachinselforschung, Geschichte, Aufgaben und Verfahren*. Plauen (цит. по рецензируемой монографии).
- Rūķe-Draviņa V., 1965: Die Untersuchungen der russischen Mundarten im Baltikum und ihre Bedeutung für die allgemeine Dialektologie, *Scando-Slavica*, XI. 198–209.
- Steinke K., 1988: Die unbetonten Vokale in den Vortonsilben der russischen Mundart von Tatarica (Bulgarien), *Kirche im Osten*, 31. 69–85.

Валерий Чекмонас

E-mail: cekm@post.omnitel.net

Вильнюс

JÓZEF PORAYSKI-POMSTA (ed.), *Sytuacja językowa na Wileńszczyźnie: Materiały sympozjum "Socjo- i psycholingwistyczne uwarunkowania sytuacji językowej w Wilnie i na Wileńszczyźnie"* (Warszawa, 16–18 października 1997 roku). Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, 1999, 222 s. ISBN 83-7151-266-X.

Симпозиум, материалы которого опубликованы в вышеуказанном томе, был организован при участии двух сотрудничающих университетских центров — варшавского (Института польского языка Варшавского университета) и вильнюсского (Кафедры славянской филологии Вильнюсского университета). Основной задачей, которую ставили перед собой организаторы симпозиума, явилось изучение социо- и психолингвистических особенностей языковой ситуации в Вильнюсском крае (как в синхронном, так и в историческом аспекте). Опубликованные материалы отражают результаты